

В.С. Глаголев

Христианский гуманитарный универсализм в духовном наследии Святой Преподобномученицы Елисаветы Федоровны

Путь к христианскому универсализму Святой Преподобномученицы Елисаветы Федоровны определила, в первую очередь, семья, с ее традициями посильного осуществления христианского служения теми способами, которые были доступны старшим и - на их примере – младшим, т.е. детям Гессенских правящих особ. Отсюда – участие Елисаветы Федоровны еще ребенком в тех делах благотворительности, которые неукоснительно осуществляли ее родители; включенность с доброжелательностью, вниманием и состраданием, стремление принести хотя бы минутную радость больным и бедным. Именно из этих детских впечатлений, как из ростков, появилась неустанная любовь к ближним. Она определила рисунок поведения Великой княгини не только в благополучный период жизни, но и после трагической гибели мужа. Как известно, Елизавета Федоровна нашла в себе силы простить его убийцу, эсера-террориста Ивана Каляева как христианка и была готова добиваться у Царя сохранения жизни убийцы, если он раскается в необратимо содеянном. Каляев до конца проявил «партийную твердость» и вззошел на эшафот «героем-мучеником» для эсеровской и большевистской молодежи (его именем долгое время называлась бывшая Долгоруковская улица). Логика же Великой княгини вела ее спасти душу человека. Широта чувства любящей жены, за мгновение взрыва ставшей вдовой, поражает способностью находиться выше собственного страдания и продолжать выполнять свой христианский долг. Та же устремленность к Вышнему позволила Елизавете Федоровне ободрять обреченных в Алапаевске и перевязывать израненных в темной шахте, ставшей в конце концов их могилой после бессудной и варварской казни.

Блестящее всестороннее образование определило широкий спектр христианского служения Елисаветы Федоровны на ниве культуры. Она оказалась здесь опорой талантов, определявшихся ею как по рекомендации специалистов – педагогов и художников, так и собственным художественным вкусом. Ее непрерывная и щедрая поддержка церковно-образовательных и художественных учебных заведений свидетельствовала о творческом воображении незаурядной личности, в духовном мире которой порывы мечтательности получали импульс воплощения в выразительные художественные формы. Одним из проявлений этого качества был выбор архитектурного проекта Марфо-Мариинской обители и религиозно-живописного решения ее интерьеров. А.В. Щусев и М.В. Нестеров оказались в первом ряду тех, кто последовательно предвосхищал ее общие эстетико-религиозные замыслы и предчувствия, найдя для них законченные творчески-содержательные и выразительные образы.

Симптоматично, что эти мастера нашли в себе силы реализовать свои творческие возможности и в иное, советское, время. Свидетельством тому – чеканный образ мавзолея на Красной площади, символ восхождения к небесам безотносительно к тому, кто в него был положен и кто находился на его трибунах. Сейчас, в другую эпоху, вне политического культа Ленина и контекста парадных приветствий, мавзолей сохраняет звучание законченного архитектурного аккорда великого мастера культовой архитектуры, каким был его создатель. (Правда, белые двери входа, заменившие, - видимо, после еврореонта

траурный вход в усыпальницу большевистского идеолога и организатора террора, стали ныне диссонансным пятном на фоне целостного образа).

Нестеровские портреты людей культуры остаются выразительнейшими свидетельствами сложнейшей и насыщенной творческим содержанием духовной жизни отечественной интеллигенции, не прекращавшейся и в эпоху сталинского тоталитарного режима. Мастер не просто видел в обликах прототипов неугасаемую жизнь Духа, но и сумел восславить ее как воплощение пути к неизбежному катарсису глобальной трагедии России. В этом он продолжал следовать идеалам христианского служения в жанре светского портрета, о чем еще в советское время точно (хотя и сдержанно в силу исторических обстоятельств) поведал его биограф и друг С.Н. Дурылин. Духовная преемственность от творческого света Великой княгини сказалась на культурной жизни огромной страны и после смерти мученицы.

Елизавете Федоровне были знакомо не понаслышке счастье земной любви, пронзительная чуткость к ее одухотворенным оттенкам и повседневный труд брака до смерти мужа. Брак был трудным и в силу особенностей характеров каждого из супругов, бесчисленных должностных обязанностей мужа, светских условностей и вытекавших из них обязанностей жены Великого Князя Сергея Александровича. Этот труд вобрал в себя заботу о детях родственника, оставшихся без родительского попечения. Как известно, их присутствие в карете Великого князя в первый раз удержало Каляева от осуществления злодейского замысла; - эта деталь послужила в дальнейшем основанием для подробного обсуждения Нобелевским лауреатом А. Камю экзистенциалистской проблематики и внесла в нее новые грани, оставленные в тени даже Ф.М. Достоевским.

Труд развития детского сознания был духовной потребностью Великой Княгини. Устремленность к нему получала выражение в тех советах и рекомендациях, которые она давала, посещая воспитательные дома и другие детские образовательные учреждения.

Закономерен вопрос: какую роль сыграла в духовном развитии Елизаветы Федоровны перемена веры, переход из протестантизма в православие?

В некоторых публикациях (в частности, в «Независимой газете») приходится читать, что перемена веры непременно влечет за собой редукцию личностного потенциала, а также деструкцию личности и разрушение ее самоидентификации. Поэтому, - полагают *так* мыслящие авторы, - перемена веры – путь к гибели души. Уместно, однако, задуматься: во имя чего и на что меняется вера? Ведь по чисто формальным критериям такое событие может на основе компаративных возможностей создать предпосылки для расширения объема восприятия духовных ценностей, придать им направление «стереометрической» организации системы новых глубинных смыслов и акцентов.

До Елизаветы Федоровны веру переменили многие немецкие принцессы, ставшие супругами русских царей и великих князей. Понятно, что это были девушки разного личностного масштаба, разного кругозора и широты интересов. В их числе оказалась будущая Екатерина Вторая, матери Александра Первого, Александра Второго и Александра Третьего, роль которых в воспитании державных венценосцев была несомненной. Глядя на портрет Николая Второго работы В.А. Серова 1901 года, поражаешься той душевной драме, которой была отмечена жизнь этого венценосца задолго до его мученической смерти. Перед нами человек сложной и многоплановой внутренней жизни. Может ли она развиваться без материнского воспитания? И было ли направлено материнское воспитание к формированию того неперемennого качества, как страсть к «игре на опережение», без которого просто не бывает успешного политика?

Судя по всему, императрица Мария Федоровна стремилась воспитать порядочного человека. Понятно, по представлениям самого высокого аристократического круга. Более

того. Она до смерти своего первенца не допускала мысли, что Николаю Александровичу придется занять трон отца.

Выбор православия Елизаветой Федоровной облегчался традициями семьи, из которой вышло несколько жен российских императоров, чувством любви к Сергею Александровичу, - равно как и примером окружившей ее православной семьи Александра Третьего. С принятием православия для Великой княгини появились новые масштабы милосердия, благотворительности и содействия художественному творчеству. В сравнении со статусом и возможностями Дармштадта и Гессенского герцогства, они были объемнее, разнообразнее как в своих финансовых, так и в культурно-организационных возможностях. Статус члена царской семьи открывал разнообразнейшие каналы общения с аристократией, дворянством разного уровня и возможностей, художественной интеллигенцией. Как известно, корни Государства Российского пролегали вдоль пути из варяг в греки, включали государственно-культурные центры на севере и юге Древней Руси. Их историческая гетерогенность и многовековое взаимодействие требовало неординарных моделей теоретического и духовно-культурного синтеза на философском, историческом и художественном уровнях.

К приезду в Россию Великой Княгини Елизаветы уже сложились соловьевская концепция всеединства и федоровская модель философии «общего дела». На ее глазах в начале 1900-ых гг. развернулся широкий спектр рериховский проект осмысления западного и восточного начал в культуре времен Рюрика и князя Игоря, героя бессмертного «Слова...». Археологические и художественно-культурные усилия М.К. Тенишевой исходили из стремления возродить многоплановые художественные традиции древнерусской культуры и включить их доминантой в культурные искания 20 столетия. Со своей стороны, Великая княгиня не могла не видеть, что искания немецких неоромантиков конца 19-начала 20 вв. и сторонников христианского модерна в российской культуре создают возможности для «наведения мостов» между двумя потоками культурной жизни и странами, связанными династическими узами. Искать и поддерживать тех, у кого есть «искра Божия», становилось в этих условиях не просто задачей милосердия и благотворительности, но и служением культуре «поверх границ», поискам образно-художественных параллелей в жизни культурных слоев двух стран. Их интеллигенция и мыслящие люди правящих кругов достаточно хорошо знали особенности каждой из стран и систематически рефлексировали над выявлением общего содержания и возможностями реализации совместных культурных проектов, над определением гармонического сочетания геополитических задач каждой из двух стран в первое десятилетие 20 века.

Наблюдения посла Французской республики Мориса Палеолога, аккредитованного в Санкт-Петербурге до начала Первой мировой войны и последовательно выполнявшего прагматическую задачу удержания России в союзе с Францией и подталкивания ее ко все новым жертвам ради интересов Франции и Великобритании, запечатлели эстетически выразительный облик Великой княгини, отмеченный несомненной духовной красотой. Посол отмечает, что на фоне остальных членов царской семьи ее движения отличались исключительной пластичностью, точностью и демонстрировали зрелую целостность духовных и физических возможностей.

В то же время, он видит, что Великая княгиня стала одним из объектов шовинистической агитации, прибегавшей к подлым приемам диффамации. Так, в июле 1915 года, после поражений русской армии на фронтах противостояния Германии и Австро-Венгрии, демонстранты выкрикивали перед Марфо-Мариинской обителью: «Немка!», «Камарилья» и т.д. Деятельная работа Великой княгини в организации госпиталей и попечения над инвалидами делали подобные оценки однозначно несправедливыми. Они вносили чувство неуверенности в тылы воюющей страны и тем

самым содействовали брожению общественного сознания, разрушению попыток объединения усилий ради достойного выхода из войны, - завершившихся, в конце концов, Февральской революцией 1917 года.

Великая княгиня в этих сложных обстоятельствах вела себя как патриот России. Этими чувствами были продиктованы ее попытки скорректировать инстанции и характер принятия ответственных государственных назначений путем удаления от семьи царя Григория Распутина. Последний, несомненно, проявил незаурядное крестьянское чутье в ощущении конечной непопулярности войны по мере ее развертывания и лавинообразного увеличения военных потерь. В то же время Распутин мог прочно держаться при дворе лишь поддерживая фаталистические убеждения Николая Второго, сохранявшего его при своей семье ради больного царевича и спокойствия Государыни. Демарш Великой княгини закончился отчуждением от нее царской семьи.

Ей оставалось смириться в принятии испытаний, охранять и поддерживать бодрость духа ближних. И перед лицом трагического конца разделить трагическую судьбу родных. Весной и в начале лета 1918 года существовала возможность изменения ее судьбы благодаря вмешательству кайзера Вильгельма Второго. Большевики были готовы на все, чтобы удержать немцев на занимаемых ими позициях и предотвратить их, по существу, беспрепятственное движение в восточном направлении по территории России. Великая княгиня отказалась стать объектом политического торга. Она понимала, что его участники руководствуются бесстыдством партийных (большевики) и геополитических (немцы) интересов. Ее отказ сделать собственную жизнь разменной монетой бессовестных политиков сделал неизбежной и ее мученическую гибель в алапаевской шахте.

Уроки жизни Святой Преподобномученицы Елизаветы – это уроки верности христианскому долгу, уроки жертвенности. Вместе с тем, они определяют пути духовного восхождения и преображения живой человеческой души.